

Тан Цинфэн со всей силы пнул ногой, но промахнулся мимо Хань Чжу и угодил прямо в столешницу. Вся посуда на столе жалобно звякнула и подпрыгнула, но это пошло на пользу: гнетущая атмосфера скорого расставания тут же рассеялась.

— Цинфэн, если тебе так не хочется со мной расставаться, не обязательно же сразу пинать стол! — Цинь Фан, державший в руке бокал, одарил его кокетливым взглядом.

Тан Цинфэн смущенно опустил голову, почесал затылок, неловко хихикнул и замолчал. После такой выходки Хань Чжу даже забыл, о чем собирался говорить, и решил оставить всё как есть.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим позвякиванием палочек о чашки. Стало так тихо, что даже причмокивание во время еды казалось оглушительным. Постепенно стемнело, и Хань Чжу поднялся, чтобы зажечь свечи в медном подсвечнике. Когда он поставил его в центре стола, при тусклом желтоватом свете цвета блюд изменились: свежая зелень теперь выглядела как пожухлые, пожелтевшие листья.

Цинь Фан молча пригубил вина, а затем достал из-за пазухи письмо, полученное еще днем, и протянул его Кун Лину. Тот был погружен в свои мысли, хмурился и, глядя в стол, совсем не заметил протянутой руки. Цинь Фан, видя, что Кун Лин долго не реагирует, повернулся и слегка подтолкнул его.

Кун Лин очнулся, удивленно уставился на руку Цинь Фана, а затем и на него самого. Цинь Фан снова протянул письмо, и Кун Лин наконец взял его, что-то тихо пробормотав себе под нос.

При тусклом свете ламп Кун Лин, терзаемый противоречивыми чувствами, развернул послание. В письме было написано:

Фан-эр, дитя мое!

Надеюсь, ты в порядке.

Утром получили твое письмо с известиями о том, что ты в безопасности. Мы с твоей матерью были очень взволнованы. Ты уехал два года назад на поиски этого мальчишки Куна. Хотя весточки приходили часто, мы-то знаем твой характер: ты всегда пишешь только хорошее, скрывая беды. Мы прекрасно понимаем, сколько тягот тебе пришлось перенести, даже если ты о них молчишь.

За эти два года разлуки я о многом передумал. В том, что случилось между тобой и Кун Лином, есть и моя вина. Я заставлял тебя носить женскую одежду, но не должен был принуждать тебя притворяться девушкой. Вспоминая слова Цинъюнь-цзы, я понимаю, что возможность держать тебя подле себя восемнадцать лет, возможно, была величайшим даром судьбы.

Мы с матерью уже немолоды, а твоя сестра еще совсем ребенок. Если хочешь — возвращайся.

С тех пор как ты уехал, мать каждый день тоскует по тебе, часами просиживает в твоей комнате. Возвращайся домой.

Если хочешь привести с собой кого-то — приводи. Остальное я возьму на себя.

Ждем тебя поскорее. Мать скучает, вся семья надеется на встречу. Береги себя в пути.

Твой отец.

Кун Лин перечитал письмо несколько раз, особенно последнюю часть. Он вчитывался в каждое слово, словно пытаясь впитать их глазами, и время от времени украдкой поглядывал на Цинь Фана.

Цинь Фан внимательно следил за лицом Кун Лина. Когда тот наконец поднял на него взгляд, он произнес лишь одну фразу:

— Именно то, что ты подумал, то и написано.

Письмо выскользнуло из рук Кун Лина. Одно письмо от родных дороже тысячи золотых, но сейчас Кун Лин был готов всю жизнь трудиться, не покладая рук, лишь бы эти слова стали правдой. На мгновение их взгляды встретились, и в воздухе разлилось невыразимое очарование.

Тан Цинфэн, увидев эту сцену, молча взял тарелку с рыбой и собрался уходить. Заметив, что Хань Чжу продолжает есть, он дернул его за рукав, подавая знак последовать его примеру. Выходя, они прикрыли за собой дверь.

Цинь Фан знал, что они ушли. Дождавшись, пока закроется дверь, он налил Кун Лину вина. Тот, не разбирая, что пьет, осушил бокал одним махом — ему нужно было хоть немного успокоиться.

Глава семьи, который раньше яростно противился их союзу, прислал письмо. Хотя в нем прямо не было сказано, что он дает благословение, между строк читалось именно это. Как тут было не разволноваться!

— Господин действительно согласен? — Кун Лин, по привычке называвший отца Цинь Фана господином, произнес это с такой неуверенностью, словно боялся, что это лишь прекрасный сон, который вот-вот растает.

— Да, отец дал добро. Хотя путь впереди будет нелегким, — Цинь Фан, словно замышляя что-то, начал подталкивать Кун Лина в сторону спальни.

На пустой желудок вино подействовало быстро. Кун Лин, и без того не отличавшийся крепкой

головой, захмелел: глаза затуманились, а на щеках проступил яркий румянец. Цинь Фан почувствовал, как внутри все загорелось от желания.

Усадив Кун Лина на край кровати, Цинь Фан сходил за водой. Вернувшись, он принялся умывать Кун Лина. Он придерживал его лицо и бережно, едва касаясь, вытирал кожу вдоль контуров, будто перед ним была драгоценная нефритовая ваза, которая могла разбиться от малейшего неосторожного движения.

Густые черные брови, красивые большие глаза, прямой нос и эти нежные розовые губы... Вытирая лицо, Цинь Фан невольно касался губами черт, уже давно запечатленных в его сердце.

Кун Лину стало щекотно, и он шутливо хлопнул Цинь Фана по руке:

— Мы же просто умываемся, зачем баловаться?

Цинь Фан ускорил движения, закончил с лицом и сменил воду, принеся целый таз для мытья ног. Он опустился на колени, быстро снял с него обувь и носки, после чего опустил ступни Кун Лина в воду.

Температура была идеальной. Кун Лин сидел на краю кровати, облокотившись на спинку; от вина тело обмякло, и он свысока наблюдал за тем, как Цинь Фан моет ему ноги.

Раньше на ступнях Кун Лина не было ни единой мозоли — в доме семьи Цинь он лишь читал да играл. Но за два года странствий его когда-то нежные, как нефрит, ступни покрылись мозолями. Поглаживая их, Цинь Фан подшутил:

— Линь-эр, твои ножки, которые раньше были как у барышни, теперь совсем другие. Хорошо, что я не питаю слабости к маленьким ножкам, иначе ты бы упустил свой шанс!

Кун Лин с силой топнул по воде, обдав Цинь Фана брызгами. Вода попала на одежду, лицо и даже на волосы.

— Чтобы ты не болтал ерунды! Чтобы не болтал!

Утерев лицо, Цинь Фан вошел во вкус. Ему уже было не до мытья ног — он вскочил и набросился на Кун Лина, начав нещадно щекотать его. Это было самым уязвимым местом Кун Лина: стоило лишь слегка коснуться его, как он начинал смеяться до слез. А уж Цинь Фан, выросший с ним бок о бок, прекрасно знал все его слабости.

Вскоре они уже катались по кровати, и атмосфера начала меняться. Кун Лин полулежал на подушках, его рукава сбились, а лицо, покрасневшее от смеха, выглядело невероятно соблазнительно. Цинь Фан навалился на него сверху, его одежда тоже пришла в беспорядок, едва скрывая обнаженную грудь. От нахлынувшего желания его черные глаза стали особенно глубокими и притягательными.

— Линь-эр... — выдохнул Цинь Фан. Их лица сближались, словно притянутые магнитом, пока наконец не сошлись в долгом и страстном поцелуе.

<http://bllate.org/book/21782/2252369>